

den und synchronischen Dialektologie der Komi-Sprache, der Probleme der historischen Grammatik, als die Antworten auf alle gestellten Fragen. Eine ausführliche

Untersuchung der in der Arbeit aufgeworfenen Probleme ist nun Gegenstand der weiteren Erforschung der Permistik.

LITERATUR

Игушев Е. А., Ляшев В. А. 1982, [Рец.] А. С. Кривошекова-Гантман, Л. Р. Ратегова, Коми-пермяцкие говоры, Пермь 1980. — СФУ XVIII, 227—229.

Некрасова Г. 1985, О падежах на *-лань(-)* в коми языке. — *FU* 12, 147—154.

JEVGENIJ CYPANOV, GALINA FEDJUNJOVA (Syktyvkar)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.2.12>

Х. Ю. Хейнсоо, Взаимоотношения сказуемого и подлежащего в водском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1987.

11 мая 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Х. Хейнсоо по теме «Взаимоотношения сказуемого и подлежащего в водском языке». Работа выполнена под руководством профессора П. Алвре. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Х. Ыйм (Тарту) и кандидат филологических наук М. Леппик (Таллин).

Прежде всего необходимо отметить актуальность темы исследования. Если из орбиты исследований в области фонетики, фонологии и морфологии целиком не выпал ни один из прибалтийско-финских языков, то систематическое изучение синтаксиса отсутствует по всем письменным языкам, кроме вепсского. Имеющиеся работы дают поверхностное описание синтаксиса или лишь касаются отдельных синтаксических проблем. Х. Хейнсоо избрала объектом своего исследования водский язык. Синтаксический анализ этого языка — одна из основных задач эстонских лингвистов. Ведь водский язык является самым близким родственным языком для эстонского и всестороннее рассмотрение проблем его синтаксиса может способствовать осмыслению некоторых синтаксических явлений эстонского языка. Водский язык был одним из древ-

нейших на территории Ингерманландии. На протяжении веков он оказывал влияние на соседние языки и воспринимал множество встречных воздействий, что отражалось и на уровне синтаксиса. Смешение архаичных прибалтийско-финских черт с более поздними явлениями ставит перед исследователем синтаксиса этого языка весьма сложную задачу.

Исследование Х. Хейнсоо состоит из введения, двух глав с выводами по ним и заключения, а также списка сокращений и символов, перечня использованной литературы. Общий объем ее — 201 машинописная страница. Автор ставит своей основной целью проанализировать на материале водского языка взаимоотношения сказуемого (предиката) и подлежащего (субъекта) как в синтаксическом, так и в семантическом плане, конкретнее: определить влияние семантического типа предиката на форму грамматического субъекта, семантические функции грамматического субъекта и структуру предложения в целом. Реализация этой задачи предполагает обширный анализируемый материал, сильную теоретическую базу и знание новейшей методологии. Автором обстоятельно проработана находящаяся в Институте языка и литературы АН ЭССР картотека водской лексики — крупнейший из известных источников водского словарного запаса — и собран дополнительный языковой материал у водских

информантов. Необходимую теоретическую базу обеспечивает использованная автором литература по проблемам синтаксиса, в список которой вошло около 180 трудов, старейший из них датирован 1648 годом, самый поздний — 1986. Работа свидетельствует о том, что Х. Хейнсоо владеет современной методикой синтаксических исследований. Она исходит из центрального положения сказуемого (предиката) в предложении, причем не только как синтаксической единицы, но и как семантически определяющего ядра предложения. Такой подход определил всю структуру исследования и позволил сделать целый ряд отличающихся новизной выводов.

Во введении изложены основы семантико-синтаксического анализа. Определены принципы сегментирования предложения, соотношения синтаксиса и семантики, дано свое толкование терминам *предикат* и *субъект*, представлены принципы семантической классификации типов предикатов и общая характеристика семантических связей субъекта.

В первой главе обстоятельно проанализированы семантические соотношения предиката и субъекта в водском языке, причем модели предложений рассматриваются в четырех разделах главы по семантическим типам предиката (предикаты состояния, предикаты процесса, предикаты действия и предикаты, одним из компонентов которых является неполнозначный глагол). Выделенные автором вербоцентральные семантико-морфологические структурные модели применимы и при анализе взаимоотношений предиката и субъекта в других прибалтийско-финских языках. В результате всестороннего анализа Х. Хейнсоо приходит к выводу, что семантика предиката определяет как семантическую функцию субъекта в предложении, так и его грамматическую форму.

Вторая глава посвящена анализу формальных соотношений субъекта и предиката. Рассматриваются грамматические формы субъекта и бессубъектные конструкции, в том числе формально имперсональные и семантически имперсональные конструкции. В отдельном разделе автор занимается проблемами согласования предиката и субъекта, анализируя обособленно формальную, или грамматическую,

конгруэнтную и логическую, или семантическую, конгруэнтную. Согласование или несогласование представляется в основном зависимым от грамматической формы и семантического типа субъекта.

Первая и вторая главы тесно связаны между собой. Такая структура требовала от автора большой точности в оформлении. В заключении обзорно излагаются главные результаты работы.

Теоретические положения автора в общем всесторонне обоснованы, хотя в некотором отношении спорны. Нельзя лишь согласиться с трактовкой термина *plurale tantum* (с. 155). Автор утверждает: «... слова *plurale tantum* не содержат информации о том, подразумевается ли единственное или множественное число. Обнаружить это можно только с помощью контекста.» По традиции под *plurale tantum* (точнее *pluralia tantum*) понимаются существительные, употребляемые только в форме множественного числа, причем множественность связана с существительным вне зависимости от контекста. Такое определение исключает некоторые из приведенных предложений-примеров на субъекты *plurale tantum* (с. 155—156). Формы единственного числа *sermikaZ, vārājā ~ verājā, kalmo* (последняя употребляется и в значении 'могила' и в значении 'кладбище') довольно обычны, хотя преобладают формы множественного числа *se rmiikkāD, vārājāD ~ verājāD, kalmoD*. Зафиксирована и форма единственного числа *rautarešotka*, причем существительное *rešotka*, являющееся главным компонентом данного сложного слова, встречается только в форме единственного числа.

Несколько дезориентирует формулировка на с. 69: комбинации слов «субъектный денотат женского рода» и «субъектный денотат мужского рода» в русском лингвистическом тексте автоматически связываются с грамматическим родом (который в водском языке, как известно, отсутствует). Имеются же в виду личности разного рода. В связи с этим для малознакомого с водским языком читателя может остаться не совсем понятным утверждение об отсутствии конгруэнтности по роду в водском языке, поскольку это не исключает в то же время наличия категории рода.

Можно отметить также некоторую

терминологическую неточность. В работе вообще используется применяемый в финской грамматике термин *I инфинитив*. Соответственно следовало бы предпочесть и термин *III инфинитив* вместо использованного *инфинитива на -та*. Не ясен принцип употребления терминов *предикат* и *субъект, сказуемое* и *подлежащее*. Эти термины часто встречаются вперемешку. Так, например, на с. 146 используются в соседних предложениях термины *субъект* и *подлежащее*. На той же странице наряду с *предикатом* попало в текст *сказуемое* (да еще ошибочно — имелось в виду, очевидно, *подлежащее*, вернее *субъект*: «...позицией предиката после сказуемого»).

Водские предложения-примеры по структуре реальны и в большинстве своем не содержат ошибочных слов. Рецензенту бросились в глаза лишь отдельные ошибочные словоформы, что частично может быть обусловлено опечатками и отсутствием диакритических знаков, например, *nökumin* вместо *hökumin* (с. 43), *apa* вместо *āpa*, *tertтуvgin* вместо *tarttuvgin* (с. 47), *rojautua* вместо *rōjautua* (с. 57), *(tšäet) kohmgtüssa* вместо *kohmgtüssä* (с. 53), *ella* вместо *ella* (с. 141), *jeggeperässä* вместо *jeggeperässä* (с. 160), *duman* вместо *dūman* (с. 162), *pallo* вместо *pallto* (с. 170). Ошибочные предложения-примеры на с. 86 таковы и в источнике — в сборнике водских текстов Я. Я. Ленсу «Западно-финский сборник» (Ленинград 1930). Учитывая, что в картотеке водской лексики авторский материал копировался на словарные карточки в форме оригинала, без исправления ошибок автора, следовало бы и в работе при подаче предложений-примеров в форме оригинала к сокращению названия деревни при необходимости добавить ссылку на источник.

Перед предложениями-примерами обычно приведена форма инфинитива или 3 л. ед. числа настоящего времени от глагола-предиката. В отдельных случаях форма инфинитива не соответствует глаголу-предикату, например, с. 37, 47, 82: *(äni) kärräB* — от инфинитива *kärätä*, а не *kärissä*; *pissävät* — от инфинитива *pisellä*, а не *pissä*; *tahēn* — (форма прошедшего времени) от инфинитива *tahtoa*, а не (форма настоящего времени от) *tahtea* — такого инфинитива не существует

вует в водском языке. Несколько неясной остается система подачи упомянутых инфинитивов: иногда предложению-примеру предшествуют несколько инфинитивных вариантов, например, с. 59 *emgstua* ~ *emehtāc*, *ittissä* ~ *ittäüssä* ~ *ittä*, иногда — единственный, соответствующий предложению диалектный вариант, например, с. 109 *kihīs*, с. 113 *korjaussac*, иногда же диалектный вариант, не соответствующий предложению, например, с. 56 *kukertā* (вместо ожидаемого *kukertāc*). В комментариях нуждаются очень редко встречающиеся и заимствованные по происхождению глаголы-предикаты, как *gen-dia* (с. 68).

На с. 114 дается слишком упрощенное толкование синоними глаголов-предикатов, поскольку часть рассматриваемых глаголов — многозначные, например, *tavata*, *panna*, часть — однозначные, например, *tarkkahüssa*, *satā*.

Имеются некоторые ошибки и в переводах водских предложений-примеров: с. 36—37 'ловить' вместо 'ловишь', с. 47 'не пропускала' вместо 'не пропускает', с. 54 'дают подарку' вместо 'дали подарку', с. 58—59 'не заквасился' вместо 'заквасился', 'пениться' вместо 'пенился', с. 82 'хочу' вместо 'хотел', с. 171 'святит' вместо 'святит' и т. п.

Есть еще некоторые неточности в оформлении работы. В отдельных случаях встречаются несоответствия между структурной моделью и приведенными в качестве примеров предложениями (с. 45 и 132). Поскольку автор рассматривает употребляемые в роли предиката глаголы водского, а не русского языка, следовало бы в тексте давать их на водском языке, при необходимости прибавляя перевод на русский язык. На с. 6, 16, 45, 95, 97, 124, однако, речь идет о глаголе *быть*; на с. 125 — о глаголах *пить* и *кушать*. Некоторые предложения-примеры не снабжены сокращением названия деревни, например на с. 27, 32, 106, 112, 129 и т. д.

Замечания рецензента касаются лишь вторичного, поверхностного уровня исследования, упомянутые недостатки не умаляют его основной ценности. Работа Х. Хейнсоо представляет собой систематическое и завершённое исследование. Она посвящена основной проблеме син-

таксиса — взаимоотношениям сказуемого и подлежащего — в языке с особо сложной структурой. В результате умелого использования новейшей методики автор

приходит к оправданным выводам, которые имеют существенное значение с точки зрения дальнейшего изучения синтаксиса прибалтийско-финских языков.

МЕРЛЕ ЛЕППИК (Таллин)

М. В. Мосин, Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск 1986.

28 сентября 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Тартуском государственном университете состоялась защита докторской диссертации доцента кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета М. В. Мосина «Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках».

Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук В. Палль (Таллин), доктор филологических наук Д. Т. Надькин (Саранск), доктор филологических наук И. Г. Иванов (Йошкар-Ола).

Современным финно-угорским языкознанием накоплен достаточно обширный материал для решения ряда фундаментальных вопросов развития финно-угорских языков и их ветвей. Сказанное в полной мере относится к теме работы М. В. Мосина. Постановка ее своевременна. Решение связанных с ней проблем обеспечивают, с одной стороны, известные изыскания Э. Сетяля, Х. Паасонена, Й. Синнен, Т. Лехтисало, В. Штейнитца, Б. Коллиндера, Э. Итконена, П. Равилы, П. Аристэ, П. Алвре, Б. А. Серебренникова, Д. В. Бубриха, В. И. Лыткина, П. Хайду и др., в которых выявлен общий лексический фонд, определены основные параметры фонетической, словообразовательной и словоизменительной систем финно-угорского языка-основы. С другой стороны, это уровень современного мордовского языкознания. Здесь необходимо отметить труды В. Палля и В. Халлапа по глагольному формо- и словообразованию, Д. В. Цыганкина по морфологии имени, словообразованию, основе знаменательного слова. Определенную лепту в

решение проблемы глагольной основы, прежде всего в синхронном плане, внес рецензент. Иными словами, в распоряжении современной науки есть точка отсчета — состояние финно-угорской основы — и «конечная» точка — современное состояние мордовской основы. Разделяют их тысячелетия и промежуточные состояния: финно-пермское, финно-волжское, общемордовское. И хотя промежуточные состояния хронологически ближе и, казалось бы, более достигаемы, они очерчены наукой не так четко. М. В. Мосин взялся за разработку этой относительно давно уже вырисовывающейся проблематики.

Рассматриваемая в работе тема многоаспектна, трудно охватить ее в одном исследовании. Автор сосредоточил свое внимание на материале мордовских и прибалтийско-финских (финского и эстонского) языков, исключив из объекта исследования марийский материал. Проблема финно-волжской общности таит в себе ряд загадок. Под вопросом волжская общность; по мнению некоторых ученых, под вопросом и финно-волжская общность. Обо всем этом автор обстоятельно пишет во введении. Ограничение объекта исследования позволило М. В. Мосину подробнее показать мордовско-прибалтийско-финские отношения в аспекте темы. И все-таки проблематика в полном объеме — как она видится в свете сегодняшних данных науки — предполагает включение и марийского, и даже пермского материала.

Развитие основы в работе исследовано на трех уровнях — фонетическом, морфемном и семантическом, каждому посвящена глава. Глава о развитии фонетической структуры главным образом представляет собой сведение под интересующим автора углом зрения финно-угор-